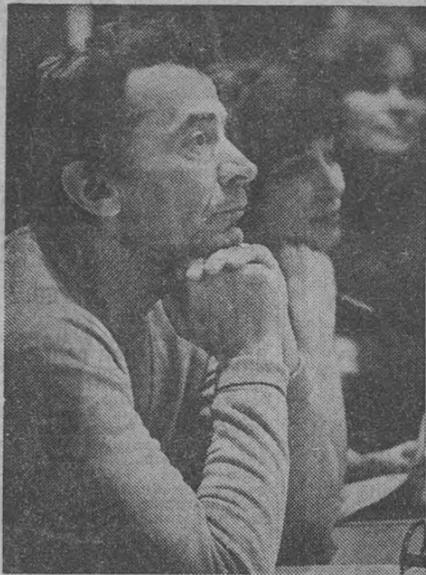

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

В ДОМЕ СЕРОМ И ВЫСОКОМ

Сегодня в Ленинграде, в доме 57 по улице Декабристов, открывается мемориальный Музей-квартира Александра Блока.

В этом доме, «сером и высоком», в квартире под номером 21 А. Блок поселился в 1912 году и прожил здесь последние и весьма плодотворные годы своей жизни. В эту пору им были написаны едва ли не лучшие строки. Достаточно вспомнить хотя бы поэму «Двенадцать».

Здесь, в последней квартире поэта, по-особому явственно ощущимо состояние его души, одержимой любовью к людям и увлеченной гармонией вдохновенного слова. В эти окна властно стучала невская метель. За этим письменным столом он пережил счастливые часы и дни яркого творческого озарения.

Создание нового литературного музея в городе на Неве оказалось реальным благодаря истинному энтузиазму ученых и инженеров, художников и рабочих.

Чтобы обеспечить своевременное открытие музея, приуроченное к 100-летию Александра Блока, в Государственном музее истории Ленинграда (а именно его филиалом станет Блокский музей) была создана инициативная группа научных сотрудников-экспозиционеров.

Основные экспонаты для музея поступили из Института русской литературы Академии наук СССР — Пушкинского дома, в частности обстановка кабинета. От московского коллекционера Н. Ильина получено более тысячи различных предметов, книг, документов, фотографий.

Открыта для обозрения и квартира № 23 на втором этаже, которую поэт незадолго до своей смерти снял для матери — Александры Андреевны Бекетовой. Сейчас здесь организована памятная комната. В перспективном плане — создание камерной залы в нижнем этаже дома, где смогут проходить научные конференции, концерты, литературные собрания.

Юрий ОРОХОВАЦКИЙ.
ЛЕНИНГРАД.

ЮБИЛЕЙНАЯ ХРОНИКА

В нашей стране за годы Советской власти издано 229 книг А. Блока общим тиражом 28 миллионов 140 тысяч экземпляров на 16 языках народов СССР и зарубежных стран.

Рожденная Великой Октябрьской социалистической революцией поэма А. Блока «Двенадцать» издавалась за годы Советской власти 22 раза на русском языке и 12 раз на языках народов СССР. «Собрания сочинений» поэта, «Сочинения» и «Полные собрания сочинений» после его смерти изданы 9 раз тиражом 805,8 тысячи экземпляров.

В издательстве «Художественная литература» вышел в свет первый том нового издания шеститомного «Собрания сочинений» А. Блока. Это будет самое крупнотиражное посмертное издание «Собрания сочинений» поэта — 1 миллион 800 тысяч экземпляров.

Издательство «Книга» выпустило в факсимильном воспроизведении поэму «Двенадцать» (издательство «Алконост», Петербург, 1918 г.). Книга, как известно, иллюстрирована замечательными рисунками Ю. П. Анненкова, первого иллюстратора поэмы.

Несколько документальных изданий подготовлено к юбилею издкомбинатом «Художник РСФСР» в Ленинграде. Для школ и библиотек — выставка, иллюстрирующая наиболее примечательные моменты в жизни и творчестве поэта. Другое издание представляет собой подборку иконографических материалов.

«Город мой...» — так называется комплект открыток, изображающих те места в Ленинграде, которые тесно связаны с биографией поэта.

Семь месяцев А. Блок, состоявший на военной службе, провел в белорусском Полесье. В честь пребывания поэта в деревне Лопатино открыты мемориальная доска и музей А. Блока. В Лопатинском сельском доме культуры состоялась Блокские чтения, которые будут проходить здесь ежегодно.

СЕРЕБРЯНЫЙ ПЕРЕЗВОН

Жизнь позволила мне довольно длительное время находиться рядом с Александром Андреевичем Прокофьевым, которому в декабре исполнилось бы 80 лет, жить с ним под одной крышей и, естественно, поэтому быть

слушателем и участником его бесед о поэзии. Его интерес к фольклору, к поэзии был просто ошеломляющим. Обладая удивительной памятью, он мог часами читать своих любимых поэтов. Очень часто обращался он к Александру Блоку.

Мы возвращались вечером в Комарово после работы из Ленинграда на электричке. Объявили: следующая станция — Озерки. И я сказал Александру Андреевичу, что всякий раз, когда слышу это название или проезжаю мимо станции, вспоминаю Александра Блока. Видно, «нас всех подстерегает случай». Александр Андреевич грустно посмотрел на меня и неожиданно стал читать А. Блока. Сначала «Под насыпью во рву непокошеном», потом «По вечерам над ресторанами». Затем вдруг признался, что и сам себя тоже на этом ловит. А еще заметил: «Часто думаю, как это он вдруг так звонко и неожиданно сказал «Веселое слово Пушкин». Ведь подумать только, какая умница, аж дух захватывает. Признаться, это и у меня на душе лежало. Я вот сейчас говорю, а сам думаю: моя бы воля — восстановил бы здесь, в Озерках, все так, как было при Блоке. И этот его знаменитый ресторан, и дачу, где он жил, и место, где он сидел, и даже дощечку бы оставил — «здесь сидел А. Блок». Поставил бы фанари, какие были при нем, нашел бы дорожки, по которым он любил гулять, а на них расставил бы скамейки того времени. Чтоб человек присел, вспомнил Блока и погрузился. А сколько бы тут народу побывало, даже трудно представить».

Александр Андреевич замолчал и спрятал голову в воротник плаща, погрузился во что-то свое. Потом, будто вспомнив, продолжил:

— Блок заметил и подержал Ахматову. Был взыскателен и строг с молодыми поэтами. Нет, есть что-то странное в русских поэтах. Они, заметь, безудержно не восторгаются друг другом, но в главном стоят друг за друга до конца. Это очень примечательная черта.

Вот таким и был Блок. Он как бы переваривал в себе неудовлетворение народа, но нетипично, по-своему. Отсюда многие за его сложностью образов, за некоторой мистичностью, за таинственной музыкальностью стиха не сумели понять его до конца. Не замечали, что он всегда открывал что-то новое, был удивительно искренен, даже наивен в своем волшебном мастерстве. Он стремился точнее передать и свое гражданское негодование, и назревающее в народе вулканическое извержение, и его великую преданность своей земле:

Идут века, шумит война,
Встают мятеж, горят
деревни,
А ты все та же, моя страна,
В красе заплаканной
и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

А затем, уже не останавливаясь, заговорил о чудесной, прекрасной душе поэта, который за все платил собственным здоровьем, нервами, умом.

...В Комарове уже темно, когда мы приехали. Мы шли не торопясь, Александр Андреевич молчал. Потом вдруг остановился, взглянул на небо, которое резко выделялось между двух высоченных шпалер деревьев по сторонам дороги, и опять стал читать Блока, закончив все неожиданно яркими и удивительно точными для того моего состояния словами:

Тогда — остановись на миг, —
Послушай тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь
иную,
Которой днем ты не постиг.

Закончил и, поглядывая вверх на звезды, резко спросил: «А это откуда?». Я растерянно стал гадать, он махнул рукой и медленно двинулся дальше. И уже подходя к даче, посмеиваясь, сказал:

— Ты же еще в поезде подсказал мне пролог «Возмездия». А это эпилог, вот так, брат, мотай на ус.

Через несколько дней в Комарове у нас снова возник разговор об А. Блоке. Александр Андреевич в это время читал только что вышедшую книгу Б. Соловьева «Поэт и его подвиг». Она ему нравилась, он ходил в приподнятом настроении, поговаривая:

— Это хорошо, что о Блоке так подробно, так любовно написано. Давно пора, давно.

Однажды утром до завтрака он с таинственным видом подошел ко мне и стал негромко говорить:

— Слушай, Саша, давай сходим в лес, дело есть, только ты возьми лопату.

Это был не первый наш поход, только я не знал, чем он вызван. Наконец, побродив между кустами, Александр Андреевич обрадованно воскликнул: «Вот он!» На этот раз это был клен. Александр Андреевич осторожно отапливал вокруг него траву и говорил:

— Ты посмотри, какое чудо, кудрявый и прямо как живой.

Мы его аккуратно подрывали, чтобы не повредить корни, и вместе с дерном потащили домой. Александр Андреевич подобрал и место. Я выкопал ямку, подложил туда чернозема с огорода, посадили кленок, и Александр Андреевич, притавив лейку, стал его поливать. Потом, опустив лейку, посмотрел на меня как-то изумленно и сказал: «Вот здорово-то, три Александра: ты Сашка, я Сашка и он Александр». Так я и выяснил, что он посадил его в честь Александра Блока. Такая посадка кленов и дубов была его открытием и гордостью. Выборность тоже была его и имела очень большой и очень сердечный счет. Случайности здесь не бывало. Не было и на этот раз. Что-то нежное и неповторимое связывало его с Блоком. Он не только любил его, восхищался им, он как бы одновременно прислушивался к стихам Блока, будто пытался услышать отклик в собственном сердце или поймать серебряный перезвон музыки блоковского стиха. Отсюда и память о Блоке для него была постоянной и большой темой.

— Я еще, кажется, в 1938 году, так как наступало двадцатилетие со дня его смерти, всех теребил и теребил до сих пор, что мало мы уделяем внимания Блоку, памяти о нем. Это важно потому, что это касается всей литературы, всей русской культуры.

Познай, где свет, —
Поймешь, где тьма.
Пускай же все пройдет
неспешно,
Что в мире свято, что
в нем грешно
Сквозь жар души, сквозь
хлад ума.

Я твердил и буду твердить: нельзя проходить мимо Блока с покрытой головой, давно пора сбросить шапки. Блок — великий поэт XX века. Этот факт нельзя игнорировать, как нельзя закрыть ладонью свет в окне. Правда, вроде бы этого никто не отрицает, в том числе и наша литература. Но где же, где те решительные шаги, которые бы все это закрепили в памяти народа? Вот этого-то и мало! Мы не имеем ни одного приличного памятника Блоку, не сумели восстановить и закрепить памятные доски наиболее известные места, связанные с Блоком, у нас нет его музея, нет улиц, площадей его имени. (Я пишу о том 20-летней давности разговоре и думаю, как много изменилось с тех пор: выходят книги, открыт музей-квартира в Ленинграде).

— Да, как ни на кого непохож и тем самым как значительнее Блок, в том числе и для большинства поэтов, его современников. Он не отмахнулся от народа, его не напугала революция. Он был в силах все понять, через все пройти — через декаданс, и акмеизм, и символизм — и остаться самим собой. И не только остаться, а шагнуть дальше, прийти в революцию, занять место на ее баррикадах. Искать для нее песни, свойственный ей язык. Блок жил предчувствием революции. Он, как никто, видел и ощущал все, что разваливалось и гнило. Он видел в революции еще и возмездие за все содеянное старым строем. Но он видел в ней и возможность очищения жизни, литературы своей родины, которую он любил свято и неколебимо. И о которой говорил так взволнованно, нежно, жаростно:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые
Как слезы первые любви!
И смотрю, и вражду
измеряю,
Невидя, кляня и любя;
За мученья, за гибель —
я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

— Нет, — восклицал Александр Андреевич, — этого нельзя читать без праведных слез. — И добавлял: — Он велик был, пророчески велик.

Вечерами дома он очень часто обращался к Блоку. Он любил его нежно и открыто. Обязательно хотел, чтобы кто-то вместе с ним послушал поразившие его строчки.

Любил перечитывать «Россию» А. Блока. Читал ее, он весь преобразился от волнения, его голос садился, и он читал почти шепотом.

— Вот у него божья искра, — не раз говорил он. — Его нельзя ни с кем спутать — кажется, будто именно клеймо поставлено на каждой строчке.

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Я — не первый воин,
не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за ранено
обедней
Мила друга, светлая жена!

— Вот, казалось бы, разные вещи, разное время, но какое все удивительное, блоковское. Какая вера и преданность своей теме. И какая любовь!

Шел с открытой книгой в руках, собирая, кого встречал в квартире, к себе в кабинет или столовую. А там читал вслух. И не дай кому-нибудь заговорить. Особенно любил цикл стихов «Родина». Замирая читал: «Опять над полем Куликовым вззошла и расточилась мгла». Или: «И вечный бой! Покой нам только снится».

В другой раз затеял разговор об образности выражений в поэме «Двенадцать». Потом горячо заговорил о «Скифах», разбирая подробно каждую строфу и доказывая, что А. Блок не обычный поэт, что мы еще плохо его знаем, что это поэт-прорицатель. Поэт, которому дано заглянуть далеко вперед, и в доказательство, не смотря в книгу, стал читать предисловие к поэме «Возмездие»: «Но ты, художник, твердо веруй в начала и концы. Ты знай, где стерегут нас ад и рай».

Вспоминная читательский интерес Александра Андреевича, я часто думаю: вот если бы мы, читатели, те, кто знаком с русской и мировой поэзией и литературой, могли сохранить в себе и передать другим то, что в нас накопилось, как делал это читатель А. Прокофьев!..

А. НЕСТЕРОВ.
ЛЕНИНГРАД

В Государственном литературном музее в Москве — конкурс чтецов на лучшее исполнение произведений А. Блока. Стихи поэта читали школьники и пенсионеры, учителя и рабочие — словом, все, кому дорого творчество великого поэта. 28 ноября, в день рождения А. Блока, состоится концерт лауреатов и дипломантов конкурса.

Внимателен председатель жюри заслуженный артист РСФСР А. Купцов.

Учительница К. Рябцева и архитектор Н. Шангин исполняют песни на стихи А. Блока.

Стихи любимого поэта читает ученица 123-й московской школы И. Соколова.
Фото А. Сергеева.

ТВ: после премьеры

МОНОЛОГ О БЛОКЕ

«Монолог о Блоке» — так называлась телевизионная передача об Александре Блоке, которую недавно продемонстрировала первая программа Центрального телевидения. Автор передачи и ведущий — писатель, критик В. Лакшин.

Мы не впервые встречаемся с В. Лакшиным на домашних экранах. Думаю, что многим запомнился его взволнованный рассказ о Льве Толстом, прозвучавший в юбилейные толстовские дни. О А. Н. Островском. И вот — монолог о Блоке.

Негнорливо и сдержанно, но с большим внутренним напряжением начинает свой монолог В. Лакшин. Перед нами проходят основные жизненные и творческие события биографии великого поэта. Бекетовская семья, в которой прошло его детство, встреча с Л. Д. Менделеевым, первые литературные успехи, духовное пробуждение, вызванное первой русской революцией, когда поэт из своего замкнутого мира Прекрасной Дамы шагнул прямо в жестокую петербургскую действительность, в «непроглядный ужас жизни», создание поэмы «Возмездие», поэмы о неизбежности гибели стародворянских устоев, пронизанной предчувствием того, что Россия ждет «неслыханные перемены, невиданные мятежи», и как итог жизни — приятие Октябрьской революции.

Само название телепередачи «Монолог о Блоке» говорит о том, что автор ее В. Лакшин строил эту свою работу не только по материалу биографическим и критическим, но и на собственных личных ощущениях. То есть хотел показать нам «своего» Блока, открывшегося ему в результате познания блоковского поэзии и любви к ней. И надо сказать, что В. Лакшин донес до телезрителей дыхание «трудной и праздничной» жизни поэта.

Лидия ЛИБЕДИНСКАЯ.